

Императрица пробыла в Восточном дворце недолго. Уходя, она забрала с собой Чэнь Дэшуня.

Наследный принц проявил безрассудство, поддавшись минутному порыву и задев интересы канцлера Вана. Как личный евнух и доверенное лицо, Чэнь Дэшунь обязан был наставлять господина и сдерживать его, но вместо этого позволил принцу творить всё, что тому вздумается. Когда государыня присылала его к сыну, она меньше всего желала, чтобы евнух стал послушной тенью, во всём потакающей Его Высочеству.

Проводив мать взглядом, Чу Юй задумчиво перебирал край своего рукава. Наконец он опустил глаза и медленно поднялся. В покои вновь хлынули слуги; после визита императрицы они двигались бесшумно и глядели с опаской, боясь совершить малейшую оплошность, которая могла стоить им жизни, дойди слух о ней до государыни.

Вошедший Юньшэн застал именно такую картину.

По одному лишь напряжению в воздухе телохранитель догадался, что здесь была императрица. Помедлив на пороге, он прошёл вглубь залы. В этом огромном дворце шёлковые занавеси у входа были подвязаны к колоннам, но дальше они ниспадали тяжёлыми складками, скрывая того, кто находился внутри. Сквозь белёсую дымку шёлка виднелся лишь неясный силуэт.

До слуха Юньшэна донёсся сухой шелест переворачиваемых страниц.

Телохранитель преклонил колени: — Ваше Высочество.

— Ступайте все прочь. Юньшэн, останься, — прозвучал из-за завесы холодный голос.

Слуги поклонились и один за другим покинули покои. Когда в зале не осталось посторонних, Юньшэн слегка поднял голову и почтительно доложил: — Все арестованные из Юнчэна переданы в Далисы. Теперь дело за ними — Суд высшей инстанции приступает к расследованию.

Он на мгновение запнулся, прежде чем продолжить: — Канцлер Ван уже во дворце. Он просил аудиенции у императора, но Его Величество отказался принять его. Сейчас господин канцлер стоит на коленях перед залом Цзычэнь, вымаливая прощение за грехи своей родни. Похоже, на этот раз ему придётся несладко. Поговаривают, он может лишиться своего поста.

— Наверяд ли, — отозвался Чу Юй.

— Наверяд ли?

— Он всё ещё самый ценный из слуг моего отца, — за ширмой принц перевернул очередную страницу. — Этот человек занимает пост первого министра, он — второе лицо в государстве, а добрая половина чиновников в столице — его люди. Отец привык к его услугам и находит их весьма удобными. Если государь закрывал глаза даже на огромные хищения из казны, то дело какой-то дальней родни тем более спустят на тормозах.

В его небрежном тоне отчётливо слышалась горечь пополам с насмешкой.

— Значит, наша поездка в Юнчэн была напрасной? — в голосе Юньшэна промелькнуло разочарование.

— Не совсем, — Чу Юй поднялся, не выпуская свитка из рук, и отодвинул край шёлковой завесы. — После случившегося в глазах окружающих я предстану как принц добрый, но недалёкий и излишне порывистый. Канцлер Ван, желая «преподать урок» зарвавшемуся наследнику, на время отдалится от меня. Для отца я перестану быть постоянной угрозой, и он наконец перестанет видеть во мне соперника, которого нужно опасаться каждую секунду.

На губах Его Высочества заиграла едва заметная улыбка: — Влияние наследного принца падает, зато звезда Шестого брата сияет всё ярче. Скоро отцу придётся направить свою бдительность на Чу Суя.

Юньшэн был сообразителен: — Значит, Ваше Высочество решило затаиться и ждать своего часа?

— А есть ли у меня другой выбор? — Чу Юй невесело усмехнулся. — Все придворные — это люди моего отца. Он полон сил и крепко держит бразды правления. Я же, хоть и сижу в зале Вэньхуа, постигая науку управления государством, на деле не коснулся ни одного по-настоящему важного дела. Чем я отличаюсь от бездушного изваяния, выставленного для красоты?

— Неужели придётся и дальше во всём уступать? — Юньшэн стиснул зубы.

Он не понимал этого. Наследный принц был выдающимся человеком, в то время как император всё больше погрязал в праздности. Почему бы не передать бразды правления тому, кто достоин, вместо того чтобы так терзать собственного сына подозрениями? Пороки государства копились годами, и чем дольше откладывать лечение, тем тяжелее будет исправить содеянное. Неужели император этого не видит?

— Всё дело в том, что у меня нет «своих» людей. Даже это место мне приходится сохранять лишь ценой притворной слабости, — Чу Юй сжал свиток и поднял голову, глядя сквозь тонкую бумагу на мягкий свет ламп. — Матушка требует, чтобы я обзаводился приспешниками для защиты титула. Она не понимает, что все эти «приспешники» насквозь гнилы, и никто из них не будет предан мне по-настоящему. Чем шире круг таких союзников, тем быстрее придёт конец.

Его лицо, бледное и прекрасное, словно вырезанное из лучшего нефрита, застыло в суровом выражении: — Даже если они возведут меня на трон, то лишь затем, чтобы потребовать плату в виде новых привилегий, продолжая терзать народ. Такая свита мне не нужна. Лучше дожидаться момента и разом отсечь всё гнилое.

Он помолчал, возвращаясь к делам: — Следствие в уезде Чичэн можно прекратить. Все собранные свитки и доказательства запечатать и спрятать до лучших времён. Они нам ещё пригодятся.

Благодаря заступничеству советника и звонкой монете (пришлось выложить целых двести лянов серебра), Цзи Линьси наконец зачислили в одну из местных академий. От его тысячи лянов осталось чуть более семисот; большую часть юноша обратил в надёжные векселя, оставив при себе лишь немного на повседневные нужды.

Для поступления время было самое неподходящее. Занятия начинались либо в первом месяце года, либо в восьмом. Сейчас же дело близилось к празднику Шуицзе, когда ученикам давали отпуск для подготовки зимних одежд. Все уже давно перезнакомились, сбились в кружки, и к новичкам относились с законным подозрением.

Надзиратель выделил Цзи Линьси крохотную студенческую каморку. Поскольку он был лишним в списке, для него втиснули ещё одну лежанку — простую деревянную кровать, на которой не было даже циновки. Всё остальное юноша должен был купить сам.

Глава академии милостиво дал ему день отдыха на обустройство.

И вот, закупаая на рынке тюфяки и письменные принадлежности, Цзи Линьси лицом к лицу столкнулся с Чжао Юнь. Теперь, когда он не скрывал своего лица, девушка его не узнала. Впрочем, она на него и не смотрела — красавица торговала рыбой, а рядом с ней, судя по всему, стоял отец.

Цзи Линьси сделал вид, что они незнакомы. Он был тем ещё подлецом и уж точно не из тех, кто «сбросив старую шкуру», желал бы ворошить прошлое. Конечно, он не опустился бы до зверств Ван Хэ, но и связываться с прежней жизнью не хотел. Ему нужно было беречь этот новый облик для встречи с прекрасным господином. Узнай Чжао Юнь в нём того самого «Чу Си», что промышлял обманом — и риск разоблачения вырос бы в разы.

«Разве прекрасный господин не устроил им подряд на поставку рыбы в управу? — мелькнула мысль. — Почему она снова на рынке?»

Впрочем, эта загадка ненадолго задержалась в его голове.

Вернувшись в академию, Цзи Линьси застелил постель. Юноша не поскупился и купил себе новое платье. Одежда, кисти, бумага, одежда — всё это влетело в копеечку.

В новой одежде стало заметно теплее. В каморке не было зеркала, поэтому он на ощупь поправил пояс, расправил складки на рукавах и гордо выпятил грудь.

«Если я предстану перед прекрасным господином в таком виде, он уж точно обратит на меня внимание»

«Эх, как же я по нему соскучился»

У такого бесстыдника, как он, тоска была всеобъемлющей: голова думала, сердце ныло, а чресла и вовсе изнывали от желания. А ведь только вчера он давал себе зарок соблюдать воздержание!

«Терпи...»

«Терпи...»

«Терпи...»

«Терпи...»

«А, к чёрту! Побалую себя ещё один денёк, а завтра, как засяду за книги, тогда и начну поститься. Один день ничего не решит»

С этой мыслью Цзи Линьси юркнул под свежее одеяло, предвкушая сладостное забытие, но вдруг замер. Он стиснул зубы и решительно сбросил одеяло с головы.

Нет. Нельзя. Если дать слабинку сегодня, будет и завтра, и послезавтра. Стоит лишь раз нарушить обет — и всё пойдёт прахом. Была какая-то мудрая фраза на этот счёт... юноша не помнил её дословно, но суть была ясна: если в малом давать себе поблажки, то в большом непременно ждёт крах.

Вместо того чтобы предаваться грезам, Цзи Линьси взял учебник, выданный надзирателем. Но голова была забита видениями, и все эти мудрёные изречения в его глазах сами собой превращались в описания нежных губ и сладостных ласк.

После нескольких неудачных попыток сосредоточиться он в отчаянии хлопнул себя по лбу: — Читай же! Давай, читай!

Если он не выучится, прекрасный принц ускользнёт от него навсегда! Неужели он всю жизнь хочет прожить никчёмным отбросом, глядя, как его возлюбленный засыпает в чужих объятиях?

«Простите, господин Си, но вы не можете дать мне того, чего я желаю. Я устал ждать...»

В его воображении возник образ прекрасного принца в алом свадебном наряде. Тонкие пальцы отодвинули золотые подвески венца, и глаза господина наполнились печалью. Затем он повернулся и шагнул в объятия воина в чёрных одеждах. Мечник смерил Цзи Линьси презрительным взглядом, а тот остался стоять с пустыми руками, провожая свою любовь слезами...

Эта картина так потрясла Цзи Линьси, что он широко распахнул глаза: — Нет!

Видения мигом улетучились, уступив место холодному рассудку. Он потрянул головой, отгоняя наваждение, и сжал книгу так, будто от этого зависела его жизнь.

Когда другие ученики вернулись в каморку после занятий и отворили дверь, они увидели новичка, который в угасающих лучах заката, не отрываясь, впился глазами в страницу. Юноша едва слышно шептал: — «Управление государством подобно росту тростника... Поэтому искусство управления кроется в людях, выбор людей зависит от личного примера государя, совершенствование себя — от следования Дао, а следование Дао — от человеколюбия. Быть человеколюбивым — значит быть Человеком, и величайшее в этом — любовь к близким. Быть справедливым — значит поступать должно, и величайшее в этом — почитание достойных...»

<http://bllate.org/book/15344/1373005>